

ИОГАНН ГЁТЕ

ПРЕКРАСНАЯ

МЕЛУЗИНА

Иоганн Вольфганг Гёте

Прекрасная Мелузина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25578019

Аннотация

«В седую старину, говорят, жило под землею племя карликов. Гнездились оно в ходах и расщелинах земли, где растут золото, серебро и всякие драгоценные камни. Такого работающего, прилежного народца над землею никогда не бывало: и день, и ночь, не докладывая рук, выковывали они из благородных металлов удивительнейшие ювелирные вещицы: мечи, которые сами преследовали врага; тончайшие цепи, которые вязали крепче железных оков; непроницаемые щиты; а также всевозможные драгоценные уборы...»

Иоганн Гёте

Прекрасная Мелузина

В седую старину, говорят, жило под землею племя карликов. Гнездились они в ходах и расщелинах земли, где растут золото, серебро и всякие драгоценные камни. Такого работающего, прилежного народца над землею никогда не бывало: и день, и ночь, не докладывая рук, выковывали они из благородных металлов удивительнейшие ювелирные вещицы: мечи, которые сами преследовали врага; тончайшие цепи, которые вязали крепче железных оков; непроницаемые щиты; а также всевозможные драгоценные уборы.

Самый великолепный из подземных гротов занимал царь карлов, столь же могущественный, как и мудрый. Однажды они с царицею рассуждали о том, не пора ли им приискать для старшей их дочери, прекрасной принцессы Мелузины, достойного жениха. Как вдруг по окружным коридорам поднялся неслышанный гвалт: жалкие крики и вопли. Царь с царицею опрометью выбежали на лестницу узнать о причине. К великому испугу их оказалось, что младшего крошку-принца кормилица выронила из пеленок, и как ни искала — не могла найти. Царица ломала руки; но, не потерявшись, как мамы да няньки, сама принялась искать его и, о, счастье! Зоркому глазу матери удалось высмотреть малютку в щели пола, между мелкими песчинками.

Так всё на сей раз обошлось благополучно. Но царя-отца настоящий случай поверг в глубокое раздумье, потому что теперь только понял он, как крохотно-малы его дети. Он не мог скрыть от себя, что царский род его с каждым поколением всё мельчает, ибо сам он был куда меньше своего карлика-отца, а каковы были его дети – наглядно показал ему случай с принцем. Если будет продолжаться так, то будущих внуков его, пожалуй, нельзя будет даже разглядеть простым глазом, а уж это было бы такое несчастье для всего царства, что не приведи Господи!

После долгого размышления, царь-карлик решил созвать генеральный совет из знаменитейших мудрецов своего малорослого народа. Собрались они и приняли очень глубокомысленный, озабоченный вид; кончили же тем, что все помотали головой и объявили, что им неизвестно такого средства, от которого могли бы вырасти царский дети. Тогда поднял свою убеленную, как лунь, голову древнейший из всех, один не проронивший до сих пор ни слова; ему было уже несколько сот лет и он не мог сделать ни шагу без чужой помощи, но мудростью своею прославился по целому царству.

– Великий государь! – начал старец. – Точно, нет средства, чтобы прибавить росту твоим царским детям; но есть средство, чтобы у нашей принцессы Мелузины, когда она выйдет замуж, дети вышли покрупнее. Только будет ли тебе пригодно средство? Тебе пришлось бы надолго, быть может, на очень долго расстаться с принцессой и дозволить, чтобы она

жила между людьми.

– Не было печали... – глубоко вздохнул царь. – Люди – народ коварный и злой; неужели пустить мне к ним мою дорогую Мелузину? Но – благо страны моей мне выше всего; быть по сему! Я готовь принять твое средство, мудрый Бурбуцци!

– Так слушай же! – возгласил торжественно Бурбуцци. – Ты помнишь, конечно, громадный золотой перстень, что хранится в твоей царской сокровищнице? Он обладает особою таинственной силою, которая мне одному известна. Прикажи же твоим первейшим строителям, соорудить у наружного входа в наше царство роскошный дворец, а затем вынести туда и волшебное кольцо.

По приказанию царя, четыреста искуснейших карликов принялись за постройку нового дворца, и в три дня, три ночи возвели такое дивное здание, какого не бывало, да и не будет. Вся боевая армия подземных карапузов, в парадных мундирах, была расставлена на заднем плане: самый же блестящий гвардейский полк, выстроившись по бокам подземной лестницы вплоть до выхода на земную поверхность, образовал живую улицу, по которой двадцать четыре жреца, пыхтя, пронесли из сокровищницы на носилках волшебный золотой перстень. После обычных обрядностей, старший жрец благословил принцессу; затем она приблизилась к своим родителям, чтобы проститься с ними. Со слезами обнялись они и поцеловались; тогда, по требованию мудрого старца, Мелу-

зина выступила вперед и приложила свою крохотную ручку к громадному золотому кольцу. В тот же миг она стала расти и росла-росла всё выше да выше на глазах удивленной, испуганной толпы. Сначала она выросла в новорожденного человеческого младенца, но потом, вытягиваясь всё больше, обратилась в высокую чудную красавицу.

В последний раз кивнула она своим родителям и надела перстень на безымянный палец правой руки: он пришелся ей как раз по пальцу. В то же время захлопнулись сами собою окна, двери и ворота вновь выстроенного, маленького дворца, боковые флигеля вдвинулись в главный фасад, и весь дворец принял вид четырехугольной шкатулки.

Мелузина взяла шкатулку под мышку и пошла вперед, куда глаза глядят, не оглядываясь уже ни на родителей, ни на всю собравшуюся толпу, так как это строго запретил ей мудрый Бурбуцци.

Когда она выбралась из горного ущелья, перед ней раскрылась цветущая долина, и вся грусть от разлуки с родными, весь страх перед тем, что ожидает ее впереди, исчезли при виде этого нового чудесного мира. Да и сама-то она теперь какая большая и сильная! Бывало, когда ей прежде доводилось выглянуть на свет Божий, то полевые травы и злаки были куда выше её, и муравьи казались ей страшилищами, пред которыми ей становилось жутко. Правда, она была еще карлицею перед деревьями и горами, реками и полями, но вообще она всё же чувствовала себя могучей великаншей.

Нагулявшись так час-другой по горам и долам, Мелузина утомилась. Она присела на большой гранитный обломок около дороги и тихонько звякнула золотым перстнем о лежавший тут же булыжник. Как по волшебному мановению, из всех трещин и расщелин земли повылезли карлики, которые, узнав, чего надо принцессе, со всех ног бросились вон и духом вернулись с прекрасной двухместной каретой. Запряжена была она четверкой ретивых белых коней, которых едва мог сдерживать сидевший на козлах статный возница. Мелузина села в карету, поставила шкатулку бережно против себя и приказала вознице ехать прямо в город, башни которого виднелись вдали.

Не успела опомниться Мелузина, как они уже въезжали в город; на громадные людские жилища и храмы, на неумолчную городскую толкотню у неё глаза разбежались.

Вдруг, проезжая мимо великолепной гостиницы, она увидела в окне красивого молодого человека, с большими голубыми глазами. Глаза их встретились, и точно тайный голос шепнул Мелузине на ухо: «Это твой будущий муж!» Сердце у неё так и замерло в груди, и она невольно, крикнула кучеру:

– Стой!

Тот с трудом остановил разгоряченных коней. Только что Мелузина собиралась выйти из кареты, как молодой человек с голубыми глазами уже выбежал на встречу и услужливо раскрыл дверцы. Высадив Мелузину, он вежливо осведомился, не может ли чем услужить ей?

– А вот шкатулка, – сказала она; – снесите мне ее наверх; но, пожалуйста, несите поосторожнее и, Бога ради, не трясите.

Молодой человек с любопытством поднял довольно тяжеловесную шкатулку и с крайнею осторожностью понес ее в гостиницу, где и поставил на стол в гостиной. Мелузина не могла свести с него глаз, точно также как и он беспрерывно оглядывался на прекрасное, несколько грустное личико молодой принцессы.

– Извините мою смелость, – заговорил он; – но лицо ваше мне как-то родственно знакомо, точно вы сестра мне, ближе сестры...

Мелузина только тихо улыбнулась:

– Меня зовут принцессой Мелузиной; а вы не принц ли тоже?

– Принц.

Из дальнейших разговоров оказалось, что и молодой принц, как наша принцесса, путешествует для своего удовольствия и остановился проездом в этой гостинице. В короткое время молодые люди до того сошлись, что болтали весело и непринужденно, как будто в самом деле были братом и сестрою. Они отобедали вместе, а затем спустились в цветущий сад гостиницы, где и гуляли до вечера.

– До свиданья! – сказал при прощанье принц.

– Нет, мы здесь уже не свидимся... – задумчиво отвечала Мелузина.

– Как? почему? – встревожился принц.

– Быть может, где-нибудь в другом месте, – сказала Мелузина, не отвечая на его вопрос.

– Но где?

– Я вам назову город. Вы поезжайте туда теперь же; сама я останусь еще здесь.

– Но позвольте узнать, однако же...

– Не спрашивайте. Если вы, принц, хотите сделать мне еще одно одолжение...

– Приказывайте!

– То возьмите с собой мою шкатулку. Но смотрите, остерегайтесь шевелить или трясти ее. Когда вы прибудете на место, то поставьте ее на стол в отдельную комнату; сами вы не должны ни жить, ни спать, в этой комнате, а замкнете ее вот этим ключом. Он имеет свойство, что никто не может раскрыть замкнутую им дверь. Обещаетесь ли вы исполнить все эти условия?

Принц с удивлением слушал принцессу. Хотя ему и в голову не приходило, что эта высокая, статная красавица в действительности крошечная карлица, но вся история с шкатулкой и ключом показалась ему очень, странной. Тем не менее, он дал слово в точности выполнить её поручения и, справившись еще о том, каким путем и куда ехать, пошел заказать лошадей. Подойдя затем к комнате Мелузины, чтоб взять шкатулку и проститься с принцессой, он нашел дверь замкнутой. Тут был случай испытать силу таинственного ключа.

ча: он вставил его в замок – и дверь растворилась. Взяв со стола, шкатулку, он снес ее осторожно вниз в карету, и, узнав от прислуги, что принцесса вышла и велела кланяться, он не стал дожидаться и отправился в путь.

Два дня пробыл он в дороге. На третий день, прибыв в указанный ему город, он в точности выполнил все предписания Мелузины и вышел затем пройтись по улицам. Но ему вдруг так взгрустнулось, что и глядеть не хотелось на людей, и он тотчас же вернулся назад. Какова же была его радость, когда, взойдя в комнату, он застал уже там Мелузину!

– Как это вы так скоро?.. – были первые слова его.

– А вы недовольны? – спросила она в ответ и пригласила его вместе прогуляться по городу.

Как занимательна показалась ему теперь прогулка по оживленным улицам, в обществе прелестной принцессы! Она делала тысячу пресмешных вопросов, точно впервые видит самые обыденные вещи (потому что и видела их впервые!); и сама же отвечала на них – отвечала так догадливо-умно, что принц не мог надивиться, как столько остроумия может заключаться в такой крохотной головке. (Как бы он удивился, если бы знал, как мала в действительности её головка!) Весь день они оставались вместе; когда же вечером им пришлось опять разойтись, Мелузина, как и в первый раз, попросила его ехать далее в другой город, и взять с собой её шкатулку.

– Да зачем же это, скажите на милость? – воскликнул оза-

даченный принц.

– Не спрашивайте. – повторила Мелузина. – Если вы хотите меня еще видеть, то не возражайте.

Принц покорился и пошел опять заказать лошадей. И теперь, при своем возвращении, он уже не застал Мелузины. Он покачал головой, но, помня её наказ, отпер таинственным ключом дверь в её комнату, взял шкатулку и собрался опять в дорогу.

Целую ночь и весь следующий день он почти не смыкал глаз: с ума не сходила у него шкатулка, которая находилась в какой-то таинственной связи с загадочной принцессой. Но как ни оглядывал он шкатулку, как ни повертывал ее (конечно, с предписанною осторожностью), она ничем не отличалась от всякой другой нарядной шкатулки.

На вторую ночь утомленный принц только что впал в забытие, как карета в темноте наехала на большой камень, и сильный толчок разбудил принца. С удивлением заметил он тут, что внутренность кареты осветилась; при ближайшем же осмотре он убедился, что луч света исходит из щели в стоящей на переднем сидении шкатулке: от сотрясения кареты, должно быть, крышка шкатулки отщелкнулась. Притаив дыхание, принц заглянул в маленькую щель внутрь шкатулки, и что же тут увидел он! Он увидел ярко-освещенную множеством свечей, богато-убранную комнату, в которой весело топился камин. Перед камином же сидела с книжкой в руках молодая красавица, и красавица эта была, ни дать, ни взять,

принцесса Мелузина, только ростом не больше его мизинца!

– Мелузина, вы ли это! – вскрикнул принц; но в то же мгновение свет уже погас, и в карете стало также непроглядно темно, как и на дворе.

Принцу стадо жутко, даже страшно: никак Мелузина его – волшебница? Добраться бы только до места, а там – дай Бог ноги, домой без оглядки!

Едва, однако же, принц, прибыл на место и снес шкатулку в отдельную комнату, как оттуда вышла к нему Мелузина, и принц, вместо того, чтобы обратиться в бегство, радостно бросился к ней на встречу. Но Мелузина сама, отступила от него и промолвила с глубокою грустью:

– Вы подглядели меня в шкатулке, принц, вы узнали мою тайну, и теперь всё между нами кончено, мы должны расстаться на веки!

– Зачем же расставаться? – воскликнул принц. – Хотя вы и волшебница и можете принимать образ крошечной карлицы, но вы мне оттого не менее дороги.

Мелузина покачала головой.

– Я не волшебница, – сказала она печально: – я, действительно, карлица, дочь подземного царя карлов, и приняла человеческий образ только по желанию отца, чтобы найти себе мужа между людьми, так как род наш иначе совсем бы измелчал. Мне было дозволено самой избрать себе мужа, но под условием, чтобы он меня также так полюбил, что охотнее бы умер, чем расстался бы со мною; сама же я должна была

дать обет тотчас его покинуть, как только он узнает тайну моего происхождения. Этого никогда бы не случилось, если бы я могла выдержать в непривычном для меня, большом образе человека; но, к несчастью, пробыв день человеком, мне нужно было два дня отдыха в шкатулке от чрезмерного напряжения, и так то вы подглядели меня и, сами того не зная, разрушили наше счастье. Остаться с вами я могу только до возвращения своего в родительский дом, а возвратиться мне надо теперь же!

Как ни просил, как ни умолял принц не покидать его, – всё было напрасно; Мелузина оставалась непреклонна и почти насильно повлекла его к поданной уже карете. Без остановки покатали они теперь в обратный путь, пока не въехали в совершенно незнакомое принцу, дикое горное ущелье. Здесь Мелузина велела кучеру остановиться, вышла с спутником из кареты и попросила его взять шкатулку и следовать за нею. Подойдя к темной впадине треснувшего утеса, насквозь пронизанного жилами серебра, она обернулась и проговорила печально:

– Вот я и дома! Поставьте шкатулку наземь, дорогой принц, и – Господь с вами! Дорогу назад вам найти не трудно. Благодарю вас за все хлопоты и желаю вам всякого благополучия. Еще раз – прощайте и не поминайте лихом!

При этом Мелузина взглянула на смущенного принца с такою нежностью, с такою скорбью, что разлука, ему казалось, убьет его. Он залился слезами, бросился перед нею на

колени и стал жалобно молить ее:

– О, Мелузина! да нельзя ли хоть мне-то идти с вами, если уже вам нельзя остаться со мной? Я ведь готов на всё – на всё, чтобы вы ни потребовали, только не разлучайтесь со мною!

– Есть, правда, одно средство остаться нам вместе... – промолвила с запинкой Мелузина; – но у меня едва хватает духу предложить вам его, так как знаю, как вы, люди, гордитесь вашим большим, ростом. Если бы вы, принц, решились сделаться также карликом, пожалуй, несколько больше нас прочих, но всё же таким маленьким, чтобы жить в наших подземных гrotах, то я могла бы взять вас с собою, как... как жениха своего...

Принц сперва был озадачен, услышав такое предложение; но желание остаться с Мелузиной взяло верх, он схватил протянутую к нему ручку и воскликнул:

– Делайте со мною, что хотите!

Мелузина проворно сняла с своей руки волшебный перстень и надела его на мизинец принцу. Принц ощутил сильную боль в мизинце и вскрикнул, потому что кольцо жало его страшно. Вдруг он увидел себя в высокой траве рядом с Мелузиной, которая, не длиннее мизинца, как в шкатулке, стояла около него, сам же он, хотя многим выше её, был всё-таки не длиннее ладони.

– Теперь постучи-ка кольцом в шкатулку, – сказала Мелузина.

Принц оглянулся: кольцо лежало тут же в траве, но каза-

лось теперь так велико, что он мог бы надеть его себе на шею. С трудом притащил он его к шкатулке, возвышавшейся над ними четырехугольной громадой, и стукнул им в её стенку. В ту же минуту с шкатулкой произошло удивительное превращение: посыпались щепки, наружу выдвинулись два боковых флигеля и перед молодыми людьми предстал настоящий дворец, с дверьми, окнами, колоннами и проч.

Едва вошли они во дворец, и принц не успел еще надивиться его роскошной внутренней обстановке, как с улицы раздались звуки причудливого марша. Радостно вскрикнув, Мелузина объявила своему жениху, что-то приближается её царственный родитель; и только вышли они на балкон, как увидели выступающую из подземной расселины, блестящую процессию. Войско, царедворцы, рыцари следовали друг за другом; наконец показалось, в шитых, золотых мундирах, множество высших сановников мелкого подземного мира и, среди их, сам царь карлов, отец Мелузины.

Мелузина схватила принца за руку и бросилась на встречу к отцу. Тот обнял дочь и милостиво поднял с земли принца, преклонившего пред ним колено. Затем все вместе вошли во дворец, где старший жрец карлов торжественно и повенчал молодую парочку по древнему их обряду. Празднество следовало за празднеством, и я там был, мед-пиво пил, всё по усам текло, ничего в рот не попало.

А принц не раскаялся, не соскучился у крошек-карлов по прежней жизни с большими людьми? Нет, он на то слишком

любил свою Мелузину; когда же у них родился еще маленький хорошенький принчик, то счастье его не знало пределов. Малютка при самом рождении был уже ростом с своего царственного деда, и, следовательно, спокойствие страны было обеспечено. Мудрого же Бурбуцци царь не только увеличил почетною золотою цепью, длиною в сто аршин и всё же настолько тонкою, что старец, при всей её длине, мог носить ее на шее, но назначил его и восприемником от купели своего большого внука.